

В СИБИРЬ ПО ЭТАПУ (XVII–XIX вв.)

В статье рассматривается история возникновения и развития системы этапирования ссыльных в Сибирь, в том числе в Иркутскую губернию, в XVII–XIX вв. На основе широкого круга архивных источников, часть из которых вводится в научный оборот впервые, раскрывается процесс становления и развития данного института. Источники доказывают, что в XVII–XVIII вв. арестантов отправляли к месту наказания от случая к случаю, в сопровождении стрельцов Сибирского приказа. В XIX в. с принятием устава о ссыльных и устава об этапах препровождение арестантов приняло организованный характер: на всем протяжении Московского тракта были выстроены этапные тюрьмы, ссыльные двигались в составе партий под охраной специальных конвойных команд. Однако однажды устроенная система, требовала постоянного совершенства, но ни местные, ни центральные власти этого не делали. Постепенно система этапирования ветшала и приходила в негодность, что, по мнению автора, свидетельствовало о неспособности власти к модернизации социально-экономических отношений, о кризисе государственного строя.

Ключевые слова: история Сибири; Иркутская губерния; препровождение арестантов; этапные тюрьмы; уголовные ссыльные.

А. А. IVANOV

*Doctor habil. (Historical Sciences), Professor,
Irkutsk State University*

A WAY TO THE SIBERIAN EXILE (17–19TH CENTURIES)

The article is devoted to the history of emergence and development of the system of the exile to Siberia in the 17–19th centuries (including to Irkutsk province) that implied going through a number of stages. Proceeding from a wide range of archival sources, some part of which is introduced to the scientific society for the first time, the author elaborates on the process of formation and development of this institute. The sources considered prove that in the 17–18th centuries the prisoners, escorted by Streltsy of the Siberian order, were sent to the place of punishment occasionally. However, in the 19th century, with adoption of the charter concerning the exiled and the charter related to the stages of the exile, escorting of prisoners became organized: so called «staging prisons» were built along the Moscow path, while the exiled moved as groups under protection of special convoy teams. However, the system established once required improvements conducted on the regular basis, but neither local, nor central authorities did not do any. Such system of the exile divided into stages was steadily decaying and finally became useless that, according to the author, exemplified the authorities' inability to modernization of social and economic relations and denoted a crisis of the political system.

Keywords: history of Siberia, Irkutsk province, escorting of prisoners, staging prisons, exiled criminals.

История уголовной и политической ссылки в Сибирь традиционно находится под пристальным вниманием отечественных исследователей [2]. Учеными подробно рассмотрены различные сюжеты этой обширной темы, однако особенности становления и развития системы этапирования арестантов за Уральский камень до сих пор не получили отдельного законченного исследования. Между тем перемещение значительного количества людей

на тысячи километров, через несколько климатических зон, на протяжении ряда месяцев, а то и лет требовало особой организации и постоянного внимания со стороны местных и центральных властей. Задача настоящей статьи — на основании различных письменных источников отчасти восполнить имеющийся в историографии пробел.

Как известно, первые партии ссыльных потянулись из центра страны в неведомую си-

бирскую «украину» уже в 1620–1630-х гг. Их путь повторял основные колонизационные потоки, а местом концентрации был Тобольск. Отсюда их отправляли в города региона, а также через Енисейск на Лену. Несколько позже, в 1670–1680-х гг., ссыльные появились в Прибайкалье, затем из южной части Сибири достаточно быстро переместились за Байкал.

Каким порядком производилось перемещение ссыльных на такие огромные расстояния? В сохранившихся до наших времен указах, грамотах и челобитных определенного ответа на этот вопрос нет. Имеются лишь разрозненные сведения, из которых можно заключить, что арестанты шли пешком, законными в ножные тяжелые кандалы и ручные железы, причем нередко несколько человек соединялись вместе на железный прут; самые же важные преступники следовали в колодах или железных ошейниках и на цепи, а менее важные — «просто» в кандалах. Со временем у этапиремого ссыльного были уничтожены колоды и ошейники, затем тяжелые кандалы заменены облегченными, причем женщины совсем избавлены от ножных оков [7, с. 72].

Доставкой колодников в Сибирь ведал Сибирский, а затем Сыскной приказ. Ссыльные отправлялись за Уральский камень не регулярно, а в основном с оказией или специальными партиями под присмотром так называемых «нарочных посыльщиков», несших полную ответственность за их возможный «упуск». Перед отправкой конвоирам давался наказ: «...убегут у тебя колодники или ты сам, взяв с них откуп,пустишь, то воеводы будут бить тебя кнутом и сошлют самого вместо тех людей, которых вел ты в ссылку» [12, с. 150].

Продолжительный путь через всю страну настоятельно требовал обустройства по ходу движения мест для ночлега и отдыха, помещений для приготовления и приема пищи. Однако первая, по всей видимости, пересыльная тюрьма была построена только при Петре Великом. О ее строительстве известно из наказа верхотурским воеводам от 1 сентября 1697 г.: «А для присланных вновь в сибирские города всяких ссыльных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую и держать новоприсланных ссыльных людей, до отпусков в низовые сибирские города, в той тюрьме с великим береженьем, за сторожью верхотурских служилых людей, а как приспееет время отпуску их в низовые сибирские горо-

ды, и их отпускать в те города по московским росписям, кого куда сослать будет указано... по тому же за караулом. А на Верхотурье и в слободах новоприсланных ссыльных людей, без указу великого государя и грамот из Сибирского приказа, не оставливать и на всякие чины и пашню не верстать» [3, с. 349].

Какого-либо «пропитания» арестантам, отправленным в ссылку, не существовало. Вместо этого им разрешалось питаться за собственный счет или просить милостыню. Сердобольность русского (российского) человека общеизвестна, и с подаянием в городах до Урала проблем не было, однако во время долгого пути по Сибири встречались места, где жители были редки или их не было вообще. Тогда арестанты голодали и умирали. Известен факт, когда в 1697 г. боярский сын Петр Мелешкин повел из Тобольска в Нерчинск семейства беглых верхотурских крестьян в числе 624 душ, но к месту назначения пришли только 403 чел. [6, с. 135]. В 1754 г. из 2 151 чел., отправленных из Соликамских варниц опять же в Нерчинск, при переходе незаселенными болотистыми местами по Кети, за семь недель умерло от голода и болезней 517 ссыльных [5, с. 354–355].

Несмотря на неустроенность пересыльного пути, ссылка в Сибирь продолжалась. Масовое движение арестантов по Московскому тракту началось с 1760-х гг. с принятием указа «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков ... крестьян с зачетом их за рекрут». Указ определял и основные принципы организации отправки и передвижения таких ссыльных: «...А понеже те принимаемые люди, из каждого места отправляемы быть должны по наступлении лета, водяным путем до Самары; того ради всем тем отдатчикам... людей стараться приводить до наступления летнего времени за месяц или менее, дабы в содержании их при тех городах затруднения быть не могло...»¹.

Как видим, государство стремилось организовать движение так, чтобы высылаемые из разных губерний собирались в одном месте, а именно в Самаре, здесь дожидались летнего времени и затем отправлялись в далекий край. Как следует из нормативных документов, местом для ссыльных по указу 1760 г. был определен Нерчинский уезд. Ссыльные должны

¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1987. Т. 5. С. 496.

были следовать через Калугу по Оке и Волге до Казани, от Казани Камою до Нового Усо-
лья, далее пешком до Верхотурья, затем по
сибирским рекам до Тобольска и через Томск
до Иркутска и Нерчинска.

Только с 1761 по 1782 г. в Сибирь согласно
«рекрутским указам» было отправлено не ме-
нее 35 тыс. душ мужского пола [5, с. 354–355].
Часть этих ссыльных использовали для заселе-
ния Московского тракта. По данным Г. Ф. Бы-
кони, уже в 1763 г. здесь насчитывалось более
2 700 ссыльных, занятых на отсыпке пути.
К 1782 г. их численность значительно возрос-
ла и составила около 6 тыс. душ обоего пола.
Только на Нижнеудинском участке тракта
числилось 1 552 поселщика (888 — мужчин
и 664 — женщины), что составляло 54,3 %
местных крестьян, мещан и купцов. Первые
восемь семей ссыльных, приведенных из
Казанской губернии, были приняты в Нижне-
удинске 1 июля 1769 г. (29 мужчин и 19 жен-
щин). В это же время в Бирюсинский станец
в ведение сына боярского Семена Кузьмина
поступило 17 семей ссыльных, в которых
было «26 мужских и 19 женских душ». Далее
по дороге к Тулуну в 1770-е гг. населили еще
девять зимовий и станций: Хингунскую, Голо-
воключинскую, Шебантурскую, Уковскую,
Замзорскую, Ключинскую, Яловскую, Боро-
новскую и Алзамайскую [1, с. 139].

В XVII — первой половине XVIII в. Москов-
ский тракт проходил так называемым север-
ным путем — через Соликамск, Верхотурье,
Туринск, Тюмень Тобольск, Чаусский острог,
Томск, Красноярск, Иркутск. В 1763 г. на-
чалось строительство тракта южнее: по
линии Казань — Пермь — Екатеринбург —
Тюмень — Ялуторовск — Ишим — Тюка-
линск — Омск. К 1780-м гг. тракт в основ-
ном был заселен и устроен, хотя отдельные
участки продолжали заселяться и обустраи-
ваться до 1830-х гг. Длина тракта от границ
Пермской губернии до Иркутска составляла
3 188 верст, от Иркутска до Кяхты — еще
522,5 версты [4, с. 86].

Существенное «упорядочение» сибирской
ссылки было предпринято в 20-х гг. XIX в.
М. М. Сперанским. Составленные им «Устав
о ссыльных» и «Устав об этапах в сибирских
губерниях» были призваны внести в «ссылное
дело» столь недостающий системный подход,
обеспечить материальными и финансовыми
ресурсами. Прежде всего, были определены

общие принципы, полномочия и порядок ра-
боты органов управления ссылкой. Согласно
законодательным актам для приема распре-
деления и учета ссыльных создавался Тоболь-
ский приказ, на местах — ряд экспедиций о
ссыльных: казанская, томская, енисейская и
иркутская, а на самом Московском тракте и
его ответвлениях — этапные и полуэтапные
помещения, располагавшиеся друг от друга
на расстоянии в 15–30 верст — именно столь-
ко могли пройти ссыльные за «световой день».

Тобольский приказ о ссыльных получал из
всех судебных учреждений России специаль-
ные извещения о приговоренных к каторге и
ссылаемых на поселение, а также предписания
об административной высылке от Министер-
ства внутренних дел, генерал-губернаторов и
губернаторов. На основании этих приговоров
и распоряжений приказ и распределял всех
направляемых на каторгу и в ссылку уже по
конкретным губерниям и областям Сибири.
Само распределение отнимало массу време-
ни, что приводило к многомесячному ожида-
нию и скоплению в городе массы ссыльных.
В 1869 г. приказ был переведен в Тюмень,
однако по-прежнему его работа подверга-
лась постоянной критике. Приказ обвиняли в
излишней бюрократической волоките, мед-
лительности, отсутствии строгой отчетности
и даже в регулярной задержке денежных
средств, пересылаемых вслед за ссыльными
до места приписки. В конце XIX в. г. Тюмень
и вовсе оказался в стороне от железной до-
роги, что, собственно, и решило судьбу при-
каза — просуществовав бесславно еще не-
сколько лет, он был ликвидирован 23 февраля
1904 г., а его обязанности переданы Главному
тюремному управлению [9, с. 203–208].

Экспедиции о ссыльных возглавлялись
советником и находились в двойном подчи-
нении: управляющего Тобольского приказа
и местных губернаторов. Советник экспеди-
ции о ссыльных включался в состав общего
собрания губернского правления. В обязан-
ности экспедиций входило непосредственное
управление ссыльными, поступившими в их
ведомство: учет количества, регистрация
поступающих и выбытия, распределение
ссыльных по работам, контроль и ревизия со-
стояния «ссылного дела» на местах. Партия
ссыльных, прибывшая в губернский город, по
именным спискам принималась городничим,
а партионные списки и маршруты препрово-

ждения ссыльных поступали в экспедицию о ссыльных [11, с. 92–107].

С уставами 1822 г. впервые у ссыльных появились документы — статейный список с указанием имени и фамилии, места рождения и наименованием преступления, за которое он осужден. К месту наказания такой ссыльный следовал теперь в составе этапной партии в сопровождении конвойной команды под руководством офицера, имевшего партийный список и другие учетные документы на арестантов.

Устав об этапах детальнейшим образом расписывал организацию всей службы. Вот, например, два параграфа главы третьей «Движение партий»:

«§ 41. Движение каждой партии, приемля начало в назначенный по расписанию недельный день на границе Тобольской губернии с Пермскою и в городах Тобольске, Томске и Красноярске по всему пути продолжается с точностью по назначению, так что на каждую станцию вступает партия один раз в неделю и в известный притом день.

§ 42. Каждая команда препровождает по одной станции с обеих сторон этапа, таким образом:

В тот самый день, когда партия должна по расписанию вступить на лежащую впереди станцию, выступает на оную этапная команда, и, приняв ввечеру ссыльных, ночует.

На другой день препровождает принятую партию до этапа.

В 3-й день имеет тут растах.

В 4-й препровождает партию далее на следующую станцию и сдает там оную команде, с соседственного этапа пришедшей.

На 5-й возвращается на этап»¹.

В Уставе об этапах получили упорядочение и взаимоотношения ссыльных и конвойных команд. Параграф 75-й требовал от начальника этапной команды прежде всего лояльного отношения к арестанту. Так, ссыльный, «оказывавший во время следования неповиновение к исполнению установленного порядка», подлежал «легкому телесному наказанию»; с «явно буйствующим» ссыльным надлежало поступить «по всей строгости» и лишь в отношении «отважившихся нападать на конвойных»

следовало «действовать оружием». «Употребить оружие» можно было также и против беглого, «который, не сдаваясь конвойным, угрожать им будет...»².

Этапы — это несколько деревянных построек, непременно окруженных высокими заборами — палями. В них имелись отдельные помещения для конвойного офицера, конвоя, большие камеры для арестантов-мужчин и поменьше — для женщин и семей. Камеры разделялись коридором, в конце которого была кухня, имелась печь с котлом для кипятка. На окнах крепкие решетки, камеры на ночь запирались и выставлялся караул. На первый взгляд, эти «придорожные тюрьмы» были сделаны добротнo, на самом деле, в них было всегда холодно и сыро. Картину усиливало огромное количество паразитов, от которых не было спасения, а также полная антисанитария отхожих мест. В таких условиях, проходя с этапом от центральных губерний страны до Нерчинска, ссыльным и их семьям приходилось существовать по несколько месяцев и даже лет.

Во второй половине XIX в. в деле этапирования установился относительный порядок. Партии арестантов отправлялись из Москвы в конце апреля по Московско-Нижегородской железной дороге специальным поездом. От Нижнего Новгорода до Перми три раза в две недели ссыльных сплавляли на баржах. Из Перми в Екатеринбург отправление арестантов производилось два раза в неделю. При отправке из Екатеринбурга до Тюмени партии дробились и становились числом не более 100–150 чел. Из Томска в Ачинск и далее по Восточной Сибири арестанты следовали пеше-этапным ходом круглый год, выступая из Томска еженедельно.

При таком порядке кормовые деньги на довольствие партий в пути от Москвы до Перми выдавались московским губернским правлением конвойному офицеру московской конвойной команды по числу арестантов при особой кормовой тетради с указанием, кому именно предназначались суммы в размере 10 или 15 к. (для привилегированных) в сутки. Во время весенней распутицы движение по тракту приостанавливалось, но не более как на две недели, если это признавалось необходимым.

² Там же. С. 237.

¹ Устав об этапах в сибирских губерниях. 22 июля 1822 г. // История Сибири XVI — начала XX вв. : сб. документов. Кемерово : Кемеровский госуниверситет, 2010. С. 234.

Движение партий расписывалось заранее и утверждалось на самом высоком уровне. Например, в 1882 г. планировалось отправить из Москвы 11 933 пересыльных арестанта. Отсюда они отправлялись по три раза в две недели, а именно: первая партия — 23 апреля экстренным поездом в составе 140 чел., пересылаемых до Казани; вторая — 27 апреля в составе 217 чел.; третья — 4 мая в составе 250 чел. В таком же порядке продолжалось движение следующих 29 партий. Как правило, в первые партии назначались зимовавшие в Москве, а затем отправлялись прибывшие в город в течение летнего периода и в таком количестве, какое каждый раз признавалось нужным инспектором Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта, как полным распорядителем движения арестантских партий между Москвой и Тюменью¹.

Между Нижним Новгородом и Пермью также совершалось 32 рейса. Порядок устанавливался следующий: первый рейс — большая баржа «Томск», второй рейс — средняя баржа «Тобольск», третий — малая «Тюмень» и т. д., продолжая во всю навигацию. Из Перми в Екатеринбург отправление арестантов производилось два раза в неделю по вторникам и пятницам. При следовании из Екатеринбурга до Тюмени партии дробились, здесь отправка была ежедневной, а именно: с 6 мая по 26 июня — на 19 подводах по 114 чел.; с 27 июня по 4 сентября — на 18 подводах по 108 чел.; с 5 по 29 сентября по 60 чел. Таким образом, планировалось, что в 1882 г. через Екатеринбург проследует 15 408 арестантов, через Тюмень — 17 800, через Томск — около 11 300, Ачинск — 9 300.

На территории Иркутской губернии в 1877 г., например, действовало 28 этапов и полуэтапов. Каждую этапную команду возглавлял обер-офицер, имелись унтер-офицеры, ефрейторы и рядовые — всего 686 служащих, в том числе 3 фельдшера. Конвойная команда препровождала партию до соседнего этапа, где сдавала арестантов начальнику во время дневки, принимая от него ссыльных, пересылаемых в обратном направлении. В 1881 г. этапных зданий в губернии было уже 29, из которых на Московском тракте — 26, Амурском — 2 и Кругоангарском — 1².

Подобным же образом устраивался этапный путь и по территории Забайкальской области. Путь арестантов здесь от берега Байкала до Верхнеудинска состоял из восьми этапов и полуэтапов: Мишихинского, Мысовского, Боярского, Большереченского, Кабанского, Таракановского, Ильинского, Уточкинського. От Верхнеудинска путь тянулся дальше до Нерчинского. Это еще 25 этапов и полуэтапов. После Нерчинска за Ключевской дорога раздваивалась: северная шла через Сретенск, Шилкинский до Усть-Карийского — восемь этапов; южная — через Кавыкучи-Ундинский — Больше-Зерентуйский — еще девять³.

Нелишним здесь будет привести и размеры жалованья этапных команд: фельдфебелю — 24 р., унтер-офицеру старшему — 18, ефрейтору — 2,85, рядовому и сторожу — 2,7, писарю — 10,65, фельдшеру — 60, денщику — 2,10 р.⁴

Внешний вид этаплируемого должен был строго соответствовать утвержденному порядку. Так, согласно инструкции о приеме, отправлении и препровождении ссыльных по Восточной Сибири, одобренной генерал-губернатором бароном Фредериксом 13 июня 1876 г., «на ссыльных как на летней, так и на зимней одежде неупустительно вышиваются: у следующих в каторжную работу по два, а следующих на поселение — по одному четырехугольному лоскуту на спине до двух вершков во все стороны отличительного цвета от одежды». Кроме того, ссыльные мужчины, лишенные всех прав состояния и принадлежавшие до осуждения к низшему сословию, отправлялись на этапы с выбритой правой частью головы⁵.

Иркутск был своеобразной перевалочной базой этапного пути по Восточной Сибири. Здесь имела экспедиция о ссыльных, а сам «ссыльный путь» раздваивался — часть арестантов отправлялась за Байкал, на Нерченские казенные заводы и рудники, другие готовились к переходу на север губернии или в Якутскую область.

³ Забайкалье: Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С. 52.

⁴ ГАИО. Л. 43.

⁵ Инструкция о порядке приема, отправления и препровождения ссыльных по Восточной Сибири. Утверждена генерал-губернатором бароном Фредериксом. Иркутск, 1876. С. 19.

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. Оц. Д. 353. Л. 43.

² Там же. Л. 46–48, 62 об.–63.

Прибывших с Московского тракта, как правило, размещали под Иркутском или в Александровской центральной каторжной тюрьме, имевшей и свой постоянный контингент заключенных, или в Александровской пересыльной, расположенной рядом, в этом же селении. Здесь формировались партии в несколько десятков, а то и сотен человек, которые в сопровождении конвоя отправлялись к месту отбывания наказания. Если арестанты попадали в централ поздней зимой, то обычно ждали до лета, и только в июне, после весенней распутицы, двигались дальше. До 1886 г. партии на Якутск отправлялись пешим порядком, причем телеги для ссыльных предоставлялись крестьянами притрактовых сел, выполнявшими подводную повинность. Позже было открыто движение по Лене — этап добирался своим ходом до Качуга, оттуда вниз по реке на своеобразных арестантских баржах — «паузках». Через Байкал ссыльных и каторжан переправляли в летнее время на баржах, зимой — по льду. На середине озера был выстроен специальный этапный барак, где устраивался короткий «роздых».

Вот как описывает свой этап в Якутскую ссылку Е. К. Брешко-Брешковская: «Когда же мы водворились на «паузке» — вид большого плота с обширным крытым сараем на нем, без окон, но с широкими воротами и крышей, покатою настолько, что на ней можно не только сидеть, но и прохаживаться; внутри широкие нары с обеих сторон, но т. к. все арестанты на нарах не помещаются, то вторая половина партии устраивается под нарами и не гарантирована от того, что вода не подмочит и самого спящего, — нам, «политическим», был отведен отдельный «паузок». Уголовные же ехали на 2-х других, а на 4-м помещался конвой из 70 солдат и офицера. На носу паузка набросана земля и устроен очаг, всегда уставленный большими и малыми котелками от разных групп...»¹.

Этапирование арестантов по Сибирскому тракту было делом весьма затратным. Так, по данным В.Ф. Юферова, в 1869 г. доставка каждого из 14 469 ссыльных в Сибирь обошлась государству в 142 р., или стоила в сумме 2 054 598 р. [13, с. 13]. С годами расходы только увеличивались. По подсчетам Г. Фельдштейна, в конце XIX в. пересылка

одного ссыльного до места поселения стоила правительству 125 р. Но если сюда приплюсовать затраты на содержание этапов и стражи, а также учесть повинности сибирского крестьянина (подводную и по препровождению ссыльных внутри волости), то получалось уже 300 р. [12, с. 180]. Если принять во внимание, что весь бюджет Главное тюремное управление страны составлял в 1898 г. 13,5 млн р. [10, с. 37], а в Сибирь отправлялось как минимум 10 тыс. чел. ежегодно, то получается, что затраты только на этапирование забирали не менее 22 % бюджета всего управления.

Как было организовано этапирование ссыльного в конце длинного сибирского пути? Ссыльный прибывал в составе этапной партии в областной или губернский город, затем его в сопровождении конвойной стражи отправляли в уезд в ведение уездных или окружных полицейских управлений, далее в окружении полицейских стражников на крестьянской подводе его доставляли в волостной центр, а оттуда, получив назначение в конкретную деревню, ссыльный следовал так называемым «сельским движением» к месту своего причисления. На этой, конечной, стадии своего этапного похода ссыльного конвоировали лишь десятские или выборные от крестьянского мира. Дальнейшая судьба такого ссыльного практически полностью зависела от его настроения: он мог дойти до деревни и попытаться приписаться к «обществу» и заняться сельскохозяйственным трудом, а мог просто свернуть с дороги в тайгу, несколько не страшась сопровождавших его безоружных крестьян, которые и сами не хотели доставлять своему «миру» такую тяжелую обузу.

По наблюдению краеведа В. Птицына, повинность по сопровождению и размещению ссыльных партий была непомерно тяжела для местных крестьян. Именно поэтому они стремились всячески избавиться от ссыльных, во всяком случае, никогда не препятствовали даже массовым побегам. Как выяснил автор, местные жители хорошо знали, что для беглых арестантов в их крае существует два наиболее удобных пункта. Один — станция Жигаловская: отсюда бродяжий тракт в Россию идет сначала на Илгинскую волость, оттуда по р. Тыпте и через хребет на Балаганск. Из Балаганска беглецы плывут на плотках вниз по Ангаре, затем сушей выходят к Тулуну на Московский тракт и идут рядом с ним своими

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5975. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

бродяжими тропами. Второй пункт — это село Усть-Кутское, в 612 верстах от Иркутска. Отсюда беглые ссыльные идут на Илимск, от него на село Братское и около селения Бирюсинского выходят на большой тракт. Это, можно сказать, Великий Беглый путь для всей прибайкальской ссылки [8, с. 85–101].

Открытие в Сибири сквозного железнодорожного движения существенно изменило условия этапирования ссыльных. 12 февраля 1897 г. последовало высочайшее повеление, в силу которого перевозка арестантов от Тюмени до Томска пароходами с 1898 г. должна была прекратиться, а отправление из России в Сибирь партий ссыльных и каторжан следовало совершать исключительно по Сибирской железной дороге [7, с. 73]. Пешее движение арестантских партий по главному Сибирскому тракту отменялось, все этапы и полуэтапы были закрыты, за исключением Тельминского полуэтапа, служившего для пересылки арестантов от железнодорожной станции Тельма до с. Александровского к централу и обратно¹.

Арестантские этапы передвигались по железной дороге в строго отведенные дни, по преимуществу, один раз в неделю. В течение 1910–1911 гг. в практику пересылки арестантов был введен новый тип специального вагона на 72 и 48 мест. Внутри вагон делился на несколько помещений. Одно — для арестантов, другое — для конвойной команды. Кроме этого в конце вагона имелось отделение для котла самостоятельного парового отопления и котла-кипяtilьника для чая. Отделение для

арестантов было забрано мелкой решеткой, позволявшей конвоем постоянно наблюдать за перевозимыми. Здесь располагались ввинченные в пол скамьи, для освещения всего помещения имелись небольшие окна на высоте двух метров размером 20 x 30 см, армированные железным прутком. Арестанты довольствовались в пути кормовыми деньгами в размере 10 к. в сутки. Кроме того на станциях в Челябинске, Красноярске, Иркутске они получали горячую пищу. Сопровождение арестантов осуществлялось чинами конвойной стражи. В 1910 г. функционировало 537 таких команд, в том числе 19 — в Сибири².

Как видим, система этапирования ссыльных через Сибирь складывалась постепенно. Сначала колодников отправляли с оказией, в сопровождении стрельцов Сибирского приказа, при этом «счета» ссыльным не велось. Затем, с 1820-х гг., условия этапирования существенно изменились: на Московском тракте появились этапные здания, следование ссыльных было строго регламентировано, арестанты получали «кормовые» деньги, партии передвигались в сопровождении конвойной стражи. В начале XX в., с установлением сквозного движения по Сибирской магистрали, условия этапирования значительно изменились, однако, большая часть проблем этого института — недостаток финансирования, неэффективность использования каторжного труда, несовершенство законодательной базы — продолжали существовать, что свидетельствовало в конечном итоге о глубоком системном кризисе государственной власти.

¹ Обзор Иркутской губернии за 1899 год. Иркутск: Губернская типография, 1900. С. 25.

² Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 1: Объяснения. СПб., 1913. С. 69–73.

Список использованной литературы

1. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быконя. — Новосибирск: Наука, 1981. — 248 с.
2. Иванов А. А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX — начала XX в. / А. А. Иванов. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. — 275 с.
3. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX в. / О. Н. Катионов. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2004. — 568 с.
4. Катионов О. Н. Сибирский (Московский) тракт / О. Н. Катионов // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 3: С–Я / глав. ред. В. А. Ламин. — Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. — С. 86–87.
5. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. / А. Д. Колесников. — Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 440 с.
6. Краткий очерк истории Забайкалья от древних времен до 1762 года / сост. В. К. Андриевич. — СПб.: Воен. тип., 1887. — 249 с.
7. Кузовников Р. И. К истории ссылки в Сибирь / Р. И. Кузовников // Тюремный вестник. — 1898. — № 2. — С. 70–74.
8. Птицын Влад. Тюремные Приленского края (Путевые наброски) / Влад. Птицын // Северный вестник. — 1889. — № 12. — С. 85–100.

9. Рощевская Л. П. Последний осколок приказной системы / Л. П. Рощевская // Вопросы истории. — 1976. — № 12. — С. 203–208.
10. Саломон А. П. Тюремное дело в России : Лекция, прочитанная 18 февраля 1898 года лицеистом XXXIII курса А. П. Саломоном воспитанникам императорского Александровского лицея перед посещением ими Санкт-Петербургских мест заключения. — СПб., 1898. — 33 с.
11. Степанова (Шенмайер) Н. Г. Управление каторгой в Сибири в начале XIX века (правовой аспект) / Н. Г. Степанова (Шенмайер) // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. — Иркутск : Оттиск, 2011. — Вып. 6 (18). — С. 92–107.
12. Фельдштейн Г. С. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния / Г. С. Фельдштейн. — М. : Товарищество скоропечатня А. А. Левенсон, 1893. — 193 с.
13. Юферов В. Н. Материалы для тюремной статистики России / В. Н. Юферов. — СПб. : тип. Майкова, 1873. — 262 с.

References

1. Bykonya G. F. *Zaselenie russkimi Prieniseiskogo kraya v XVIII v.* [Russian settlement of the Yenisei region in the 18th century]. Novosibirsk, Science Publ., 1981. 248 p.
2. Ivanov A. A. *Istoriografiya politicheskoi ssylki v Sibir vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Historiography of political exile to Siberia in the second half of the 19th — beginning of the 20th centuries]. Irkutsk State University Publ., 2001. 275 p.
3. Kationov O. N. *Moskovsko-Sibirskii trakt i ego zhiteli v XVII—XIX v.* [Moscow-Siberian highway and its inhabitants in the 17–19 centuries]. Novosibirsk Pedagogical University Publ., 2004. 568 p.
4. Kationov O. N. Siberian (Moscow) highway. In Lamin V. A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Historical Heritage of Siberia Publ., 2009. Pp. 86–87 (in Russian).
5. Kolesnikov A. D. *Russkoe naselenie Zapadnoi Sibiri v XVIII — nachale XIX vv.* [Russian population of Western Siberia in the 18th — early 19th centuries]. Omsk, West Siberian Publishing, 1973. 440 p.
6. Andrievich V. K. (ed.) *Kratkii ocherk istorii Zabaikal'ya ot drevnikh vremen do 1762 goda* [A short outline of Transbaikalia history from ancient times to 1762]. Saint Petersburg, Military typography, 1887. 249 p.
7. Kuzovnikov R. I. On the history of Siberian exile. *Tyuremnyi vestnik — Prison Bulletin*, 1898, no. 2, pp. 70–74 (in Russian).
8. Ptitsyn Vlad. Prisons of territories adjacent to Lena (Travel sketches). *Severnyi vestnik — North Bulletin*, 1889, no. 12, pp. 85–100 (in Russian).
9. Roshchevskaya L. P. The last shard of the mandate system. *Voprosy istorii — The Issues of History*, 1976, no. 12, pp. 203–208 (in Russian).
10. Salomon A. P. *Tyuremnoe delo v Rossii: Lektsiya, pročitannaya 18 fevralya 1898 goda litseistom XXXIII kursa A. P. Salomonom vospitannikam imperatorskogo Aleksandrovskogo litseya pered poseshcheniem imi Sankt-Petersburgskikh mest zaklyucheniya* [Imprisonment in Russia: a lecture read by a lyceum student of the 33d group of pupils of the Imperial Alexander Lyceum, A. P. Salomon before visiting of St. Petersburg's jails in February 18, 1898]. Saint Petersburg, 1898. 33 p.
11. Stepanova (Shenmaier) N. G. Management of penal colonies in Siberia in the early 19th century (legal aspects). In Ivanov A. A., Kuznetsov S. I., Shostakovich B. S. (eds) *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011. Iss. 6 (18), pp. 92–107 (in Russian).
12. Fel'dshtein G. S. *Ssylka. Ocherki ee genezisa, znacheniya, istorii i sovremennogo sostoyaniya* [An exile. An outline of its genesis, values, history and current status]. Moscow, Tovarishchestvo skoropechatnya A. A. Levenson Publ., 1893. 193 p.
13. Yuferov V. N. *Materialy dlya tyuremnoi statistiki Rossii* [Materials for Russian prison statistics]. Saint Petersburg, Tipografiya Maikova Publ., 1873. 262 p.

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: ottisk@irmail.ru.

Author

Ivanov Alexander Aleksandrovich — Doctor habil. (Historical Sciences), Professor, Chair of Political Sciences and History of Historical Faculty, Irkutsk State University, 1 K. Marx St., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: ottisk@irmail.ru.